

«В ГАЗЕТЕ ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ АНАЛИТИКИ — БОЛЬШЕ»

ДЕБАТЫ

ФОТО АНДРЕЙ КОЛЯГА

— Почему в последнее время политические программы не находят резонанса в обществе?

— Ну, судя по рейтингам, так не скажешь. Другое дело, что действительно весь последний политический сезон только и было разговоров, что «российская политика мертва». Сразу оговорюсь, что после последней встречи президента с правительством и губернаторами эту мысль больше справедливой не назовешь: судя по всему, нам предстоит еще какой политический сезон. Но как бы то ни было, одна проблема налицо. При нынешней конфигурации главная проблема российской политики — отсутствие публичной конкуренции идей. Даже если она происходила, то где-то «под ковром». Нет публичного конфликта — меньше возможностей и для телевидения делать конфликтные материалы, которые, конечно, куда смотрительнее. Действующая Конституция три четверти властных прерогатив отдает президенту. Получается, что президент

зачастую и есть единственный источник каких-либо свежих инициатив, которые способны из инициатив превратиться в дела. Однако такое конституционное устройство и такой политический расклад в той же Думе — результат, что называется, воли народа: Конституцию утвердили на референдуме, Думу избрали на выборах. Может, это и есть то, чего хочет избиратель? Посмотрим, какой останется культура политической дискуссии при новых правилах.

Еще одна, хотя и менее очевидная причина, по которой политическое вещание несколько захирело... В начале 90-х востребованность у аудитории таких программ, как «Итоги», обуславливалась резким обрушением тиражей газет и газетного цеха. Телеаналитика во многом возмещала то, что недодавали газеты. В начале 90-х единственным источником информации стал телевизор, несмотря на то, что ТВ заведомо более поверхностно, чем пресса. Первая полоса широкоформатной газеты вмещает столько же знаков, сколько обычный выпуск новостей. «Вести недели» — это четыре полосы, если учитывать, что здесь не только текст, но и картинка. В газете пространства для аналитики — больше.

— Вы хотите сказать, что сейчас зрители вернуться к чтению газет?

— По-настоящему интересующиеся их читать не переставали. Но, судя по тиражам, их было мало. Сейчас тиражи растут. Но, естественно, для нас это не причина отказываться от наших еженедельных форматов, которые принято называть аналитическими. Хотя мне это прилагательное и кажется слегка «щеконадувательским». Скорее форматы, которые подводят итоги недели. И с куда большей расстановкой, чем это можно делать в новостях.

— Должен ли госканал показывать конфликты во власти?

— Конечно. Понятно, что у государства как собственника есть желание влиять на свой телеканал. Но бывают ситуации, когда мы пытаемся если не исправить что-либо, то хотя бы помочь в осознании каких-то вещей. Например, в выпуске «Вестей недели» после событий в Беслане я вполне открыто сказал о том, что официальная информация о количестве заложников была как минимум ошибкой, а те представители госструктур, которые на этой официальной версии настаивали, пытались переубедить только самих себя. Сила государства, в частности, в умении признавать ошибки. И это нормально, что первым публично на эти ошибки указывает государственное телевидение. Если говорить о преимуществах госканала, то они — в скорости. И не только в том, что касается договоренностей об эксклюзивах с людьми из Кремля или Белого дома. Быстрее и реакция на то, ЧТО мы говорим. Кстати, вовсе не всегда эта реакция — умиление. Но нас слушают. Такой диалог дорогого стоит.

— А что вы понимаете под аналитической передачей?

— Разбор полетов. В полной мере это нигде не происходит. Возможно, в нынешнем политическом сезоне этот формат вновь будет востребован. Мою программу определяю как «тележурнал». Мы подводим итог недели. Благодаря нашей информированности подводим так, что за последний год «Вести недели» ни разу не ошиблись в прогнозах и, кстати, через предвыборную кампанию прошли так, что сохранили отношения со всеми политическими силами, чье мнение мы хотим, чтобы звучало в программе и дальше. Это, кстати, касается всего respectable политического спектра.